

СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ААЛЬНАЯ ОБЩИНА У ХАКАСОВ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА КАК ФОРМЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВЗАИМОПОМОЩИ

Публикация представляет анализ семейно-родственных отношений и аальной общины у хакасов в XIX – начале XX в. как основы формирования форм помощи и взаимопомощи. Традиционное хакасское общество в ходе этнической истории выработало охраняемые механизмы для своих членов. Семейно-родственные отношения и аальная община представляли собой основу формирования форм помощи и взаимопомощи для категорий населения, оказавшихся в социально-уязвимом положении в силу психофизиологических особенностей (старика, женщины, дети, молодые семьи, калеки, бедняки). Помощь и содействие в рамках рода и аальной общины служили условием жизнеспособности этноса.

Ключевые слова: Хакасия, хакасский этнос, род, аальная община, взаимопомощь, социальная работа.

В современном российском обществе все большую значимость приобретает относительно новая профессиональная деятельность – социальная работа. Согласно государственным требованиям к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности «Социальная работа» от 20 июня 1995 г. «социальный работник должен знать национальные особенности быта и семейного воспитания, народные традиции регионов и уметь использовать их в социальной работе» [Государственные..., 1995. С. 3]. Но в реальности в рамках регионального становления социальной работы не хватает знаний именно исторических традиций, той «почвы», на которой бы происходило развитие современной системы социальной поддержки населения. Данное обстоятельство и определяет актуальность такого исследования для Республики Хакасия, поскольку целостных исследований по становлению социальной работы в этом регионе, в частности, в рамках общинно-родового устройства, практически не представлено.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой первое системное изучение архаического пе-

риода социальной работы в Хакасии, освещает целый этап в ее становлении на территории региона. Результаты исследования могут быть использованы при чтении дисциплины «История социальной работы», при создании исторического пособия для работников местных органов социальной поддержки населения. Они также внесут свой вклад в приращение научного знания по этнографии народов Сибири.

Территориальные рамки исследования охватывают места расселения хакасских субэтнических групп на территории современной Республики Хакасия. Хронологические рамки – период с 1822 г. (времени самых масштабных реформ по организации управления коренными народами Сибири) и до 1928–1929 гг., когда происходило образование коллективных хозяйств среди хакасов, повлекшее за собой разрушение аальной общины.

Социальная работа как вид общественной деятельности по оказанию помощи индивиду в кризисной ситуации начинает складываться в традиционном обществе, главный признак которого – родовые отношения. Эту деятельность М. В. Фирсов называл «важнейшим охраняемым механизмом»,

субстанцией развития парадигмы помощи [Фирсов, 2000. С. 14]. Уральские теоретики социальной работы К. В. Кузьмин и Б. А. Сутырин пишут, что родовая организация человеческого сообщества была первой формой социальной взаимопомощи. Род поддерживал своих сородичей, обеспечивал всех пропитанием, одеждой, жильем, опекал малолетних, вырабатывал обычаи охранительного порядка, помогавшие роду выжить [Кузьмин, Сутырин, 2003. С. 125].

В научной литературе род определяется как группа кровных родственников, ведущих свое происхождение от одной линии, по большей части осознающих себя потомками общего предка, несущих общее родовое имя. Род – есть ряд поколений, происходящих от одного реального или мифического предка [Садохин, 2002. С. 125]. М. В. Фирсов отмечал, что в ходе развития человечества в родовых общинах закреплялись общественные стереотипы поведения, среди которых важнейшими являлись реципрокация и редистрибуция. Именно эти процессы легли в основу ранних форм социальных отношений, где их главное предназначение связано с функциями защиты индивида в системе рода и общины. В значении первого стереотипа помогающего поведения выступает взаимопомощь, взаимный обмен дарами, услугами, а второго – передача части произведенного общинниками избыточного продукта в распоряжение вождей, на различные общественные нужды [Фирсов, Студенова, 2000. С. 231].

Социальная помощь как помощь общества рассматривается в качестве инструмента, предназначенного для нейтрализации, противостояния рискам, в том числе генерируемых непосредственно самим обществом, негативно воздействующим на человека, как члена этого общества, причем, члена не обычного, а слабого в силу различных причин объективного характера, неспособного к самообеспечению и нуждающегося в заботе социума.

Теоретик социальной работы В. Шарин выделяет особенности воздействия рисков внутри рода, среди которых можно отметить неразрывную связь и взаимовлияние индивидуальных рисков, т. е. воздействующих непосредственно на человека, и рисков коллективных, нарушающих жизнедеятель-

ность рода в целом [Шарин, 2004. С. 16]. Так, риск потери трудоспособности означал для древнего человека смерть, ибо бесполезные для общества иждивенцы не могли содержаться в условиях ограниченности ресурсов и «исключались» из общества. В то же время потеря трудоспособности (способности добывать пищу, в первую очередь), возможно, одним, самым опытным охотником, могла означать голодную смерть для всего рода. Любой индивидуальный риск становился риском коллективным, равно как и общественный риск представлял опасность для каждого индивида. Поэтому «род» в теории социальной работы рассматривается как основа формирования института помощи в целом.

На смену родового существования пришла община. На этой стадии развития сформировавшиеся внутри рода принципы помощи приобрели социоэкстравертивную направленность и стали применимы к членам общины.

В рассматриваемый период народы, населявшие территорию современной Хакасии, имели различные виды объединений, отражающих родственные, экономические и территориальные связи. А. М. Золотарев отмечал, что родовое устройство имело свои корни в среде скотоводов, какими и были жившие в Хакасии группы: сагайцы, бельтиры, качинцы, койбалы и кызыльцы [Золотарев, 1964. С. 223]. Следует отметить, что в исследуемый период род не отражал значения этого слова в идеальном варианте, а использовался, согласно «Уставу об инородцах» от 1822 г., в качестве административной единицы. Данный документ явился основанием для выделения родов как органов местного самоуправления, которые далее по вертикали объединялись в инородную управу и степные думы. К началу революции 1917 г. родов в Хакасии насчитывалось: у кызыльцев – 10, у качинцев – 8, у сагайцев и койбалов – 12 [Токарев, 1952. С. 1].

Известный исследователь правовых отношений хакасов рассматриваемого периода Д. Е. Лаппо отмечал, что в официальном употреблении «термин “род”... в нес только путаницу в понятия, затемнив истинные отношения» [1904. С. 32]. Конечно, в реальности род в большей степени отражал терри-

ториально-организационную группу населения, нежели семейно-родственные отношения, но при постоянной перекочевке с летника на зимник территориальные связи ослабевали и поэтому хакасы старались поддерживать родовые. По этой причине, как указывал В. Я. Бутанаев, в исследуемый период кроме административно-родового деления продолжала сохраняться традиционная форма социально-этнической принадлежности по сеокам (букв. – костям), т. е. кровным родам. Кость есть то, что остается от умершего предка, тот минимум, который сохраняет существенные свойства жизни былой и будущей [Сагалаев, Октябрьская, 1990. С. 19].

Согласно такой принадлежности коренные жители Хакасии вели генеалогию по мужской линии и обычно отождествляли ее именно с кровно-родственным родом [Бутанаев, 1994. С. 3]. Члены одного рода считались между собой братьями. Существовал обычай помнить свое родословие по линии отца до 7–9 поколений. Отдельные блюстители народных знаний могли помнить имена своих предков до 9 и более поколений [Патачаков, 1959. С. 128]. Родственная номенклатура сохраняла четкое деление родственников по отцу и матери, по жене и мужу, на старших и младших.

Таким образом, родом была линия родственников, ведущая свое начало от единого предка, что есть основание для одинакового социального положения и, следовательно, одинаковой социальной роли в обществе [Золотарев, 1934. С. 9]. Поскольку родовичи все генетически равны, они могут рассчитывать на одинаковое содействие со стороны родственников. Человек вне рода мыслился как аномалия. Общеизвестная народная хакасская пословица гласит: «Чалгыс кизи чоннан хортых, Чалгыс агас чилден хортых – Одинокий человек людей боится, одинокое дерево ветра боится» [Катанов, 1997. С. 52].

К концу XIX в. население Хакасии разделялось более чем на 150 сеоков, которые, если были многочисленными, становились основой создания административных родов [Бутанаев, 1993. С. 236]. Однако только 20 % аалов состояли из близких родственников либо людей, объединенных семейно-родственными отношениями; 75 % поселений

были объединены общей социально-экономической жизнедеятельностью [Бутанаев, 2002. С. 102]. Таким образом, наиболее распространенной формой совместного проживания и жизнеустройства была аальная община, хотя и сохранившая элементы семейно-родственных отношений, но в большей степени основывающаяся на общей социально-экономической жизнедеятельности. Аальная община крупного селения разделялась на более мелкие семейно-родственные группы, или патронимии. Они обычно состояли из родственников, живущих по соседству, которых объединяли в коллектив семейно-родственные отношения, взаимопомощь и хозяйственные дела [Там же. С. 98].

Распорядительным органом аального мира являлся сход, а исполнительными его органами был старшина – аалбазы (глава селения) и десятники. На сходе решались общеаальные дела: раздел наследства, разводы, разделы покосов, распоряжение земель, которая находилась в общем владении аала. Сходы возбуждали ходатайства перед родовыми старостами и управой, решали вопросы о передаче детей на воспитание родственникам в случае смерти родителей, о попечительстве над имуществом несовершеннолетних сирот, учреждении круговой поруки при взятии малоимущими в долг пшеницы для посева и т. д. Неимущие бедняки и беглые на сходе не имели права голоса.

На общинном сходе избирались на один год старшина – «аалбазы» и его помощники. Как правило, аалбазы был крупным баем. Поскольку аалбазы управлял членами общины, принадлежащими к различным административным родам, постольку административная структура аала несла в себе пережитки патриархально-родовых отношений. Но в целом административные аалы были территориальными. Несколько аалов были объединены в одну административную единицу – род. Если некоторые дела не решались в пределах общины, то их разбирательством занимались старосты родового управления, а затем степные думы и окружное начальство.

М. М. Громыко выделяла следующие функции аальной общины: земельная (распоряжение землей); административно-фис-

кальная (уплата податей) и коллективное сопротивление (проявление недовольства); первичное расследование и суд (рассмотрение различных дел); полицейская (отправка в другой район человека за аморальное поведение) и духовная функция (хранение традиций) [Громыко, 1977. С. 523]. Как можно видеть, автор определяла в большей степени административные функции сельской общины, мало обращая внимание на социальное взаимодействие ее членов. Эти обязанности общины дополнял Д. Е. Лаппо, который писал, что «...улусный сход обсуждает и принимает меры к устройству сирот, также проявляет приветственное воздействие через стариков, чтобы устранить недоразумения и споры» [1904. С. 37]. Таким образом, автор описывал, но не выделял еще одну функцию хакасской общины – общественное призрение (призреть – значит присмотреть за немощным, нести ответственность за слабого и беззащитного, дать возможность слабому члену общины полноценно жить и развиваться). Данная специфика истории хакасов дает основание называть виды помощи внутри «рода» и общины формами помощи и взаимопомощи в рамках семейно-родственных отношений и аальной общины.

Исследователь общинного быта русских крестьян В. Ф. Дерюжинский выделил три основные формы общинного призрения:

- 1) поочередное кормление бедных односельчан по домам, по денно или по недельно;
- 2) передача нуждающихся на постоянное содержание одного из членов общества за какую-нибудь льготу (освобождение от уплаты повинностей, увеличение надела и т. п.);
- 3) раздача милостыни [Кузьмин, Сутырин, 2003. С. 31].

Для хакасского общества были характерны подобные же формы вспомоществования своим членам. Так, Д. А. Клеменц прямо писал о хакасах: «...члены одного рода... должны оказывать помощь друг другу. Обычная взаимная помощь теперь практикуется редко, так как роды в некоторых местах сильно размножились и взаимная солидарность практикуется теперь более между мелкими группами...» [1908. С. 57].

Семейно-родственные и общинные формы помощи и поддержки у хакасов распро-

странялись, прежде всего, на тех, кто в силу объективных обстоятельств не мог полноценно участвовать в социально-экономической жизни общества и производить материальные блага, заниматься самообеспечением. Это такие категории лиц, как старики, женщины, дети, бедные люди, молодые семьи, калеки. Старики, женщины и дети в силу их социального статуса и психофизиологических особенностей находились у общины на попечении и занимали особое положение в хакасском обществе. Молодые семьи в силу их становления как социального института также имели особое расположение к себе общинников и сородичей. Калеки и бедные люди – это особая категория людей (традиционное мировоззрение хакасов определяло их как специфическую группу, которую невзлюбили по каким-то причинам высшие силы и им приходится страдать в этой жизни). Хакасы про таких говорят: «Оларны айирга кирек – их беречь (жалеть) надо», но все-таки побаивались их и старались им угодить (Толмачева (Сунчугашева) Клавдия (Клара) Андреевна, 1951 года рождения, с. Верх Аскиз, сагайка).

Совместная хозяйственная деятельность членов общины также предполагала хозяйственно-бытовые формы помощи и взаимопомощи. Если помощь слабым была направлена на обеспечение им условий для дальнейшего развития и жизнедеятельности, то взаимопомощь в хозяйственной деятельности ориентирована на поддержание полноценной жизни своих представителей. Так как субъектами оказания помощи выступали в большинстве своем общинники или родовичи, данный вид помощи также можно отнести к общинно-родовым (как отдельный вид).

Социальная помощь, имеющая в своей основе идеологию взаимопомощи, обеспечивалась из общественных фондов рода путем перераспределения ресурсов (излишек над потребностью), т. е. по остаточному принципу.

Процессы помощи и взаимопомощи в традиционном хакасском обществе были взаимосвязаны. Например, помогая престарелым сегодня (дар), члены общества обеспечивают себе отложенную во времени ответную помощь (отдар). Это гармонично

вписывалось в идеологию взаимопомощи как предтечи помощи социальной. Возможно, имел влияние и психологический фактор. Так, с ростом благосостояния отдельной семьи, ее укреплением, опосредованным развитием производственных отношений, появлялась объективная материальная возможность заботы о престарелых, но уже не только как о немощных членах всей общины, а в первую очередь, как конкретных постаревших родителей. В данных случаях личностный, психологический фактор стал действовать как дополнительная мотивация призрения (заботы) немощных старцев в рамках рода.

Таким образом, социальная помощь как система защиты человека от рисков в обществе при помощи общества зародились в хакасских родах и первоначально предполагала вспомоществование сугубо своим членам, но с развитием поселений по территориальному признаку нашла отражение и внутри аальных общин. Типологически на основании трудной жизненной ситуации целесообразно выделить семейно-общинные формы помощи и взаимопомощи и хозяйственно-бытовые. Первые направлены на поддержание жизнедеятельности таких социально уязвимых категорий, как старики, женщины, дети, молодые семьи, бедные и юродивые, а вторые – на оказание содействия при выполнении некоторых видов работ. Помощь и содействие в рамках рода и аальной общины служили условием жизнедеятельности этноса.

Знание современными социальными работниками данных особенностей исторического развития хакасского этноса существенно может помочь им в практической организации такой работы, в первую очередь на селе, где еще сохранились осколки бывших аальных общин и даже родов.

Список литературы

Бутанаев В. Я. Происхождение и расселение хакасских сеоков // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии / Под ред. Б. Р. Зориктиева. Новосибирск: Наука, 1993. 315 с.

Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. 92 с.

Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история Хонгорая (Хакасии) в XIX – начале XX в. 2 изд., доп. и испр. Абакан: Изд-во Хак. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. 166 с.

Государственные требования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 022100 «Социальная работа» от 20 июня 1995 года.

Громько М. М. Территориальная община Сибири (30-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. / Под ред. Л. М. Горюшкина. Новосибирск: Наука, 1977. С. 523–530.

Золотарев А. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. 52 с.

Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.

Катанов Н. Ф. Толкование снов, благословения, загадки, пословицы, поговорки. Абакан, 1997. 115 с.

Клеменц Д. А. Население Сибири. Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: Сб. ст. / Под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 37–78.

Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России (с древности до начала XX века). М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 480 с.

Ланно Д. Е. Общественное управление Минусинских инородцев. Томск: Товарищество скоропечатания А. А. Левинсон. Том. отд-ние, 1904. 70 с.

Патачаков К. М. Родовой состав и народные предания о происхождении бельтиров // Учен. зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. Вып. 7. С. 126–132.

Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.

Садохин А. П. Этнология: Словарь. М.: Гардарики, 2002. 236 с.

Токарев С. А. Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX веке // Сибирский этнографический сборник. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 108–141.

Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 11.05.2002 № 47-ФЗ.

ской Федерации» от 10 декабря 1995 года. № 195-ФЗ. Ст. 1, п. 3.

Фирсов М. В. История социальной работы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 246 с.

Фирсов М. В., Студенова Е. Г. Теория социальной работы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 510 с.

Шарин В. Социальная помощь. Как она возникла? // Социальное обеспечение. 2004. № 8. С. 13–20.

Материал поступил в редколлегию 05.03.2010

A. I. Makina

**THE KHAKASS FAMILY-KINDRED RELATIONS AND AN AAL COMMUNITY
IN XIX – BEGINNING XX OF CENTURY AS THE FORMS
OF COLLECTIVE INTERACTION AND MUTUAL ASSISTANCE**

The publication represents the analysis of one of the aspects of the archaic period of social work in the territory of the Republic of Khakassia, in particular the family-kindred relations and an *Aal* community of the Khakass people in the XIXth c and the early XXth as the basis of the formation of the forms of assistance and mutual assistance. In its ethnic history the Khakass traditional society worked out the protection mechanisms for its members, family-kindred relations and an *Aal* community were the basis for organizing help and mutual assistance of such categories as the old people, women, children, young families, the disabled, the poor who have found themselves in the socially vulnerable situation because of certain psycho-physiological reasons. Help and support were rendered within the clan and *Aal* community that served a condition of the ethnos vital capacity.

Keywords: Khakassia, the Khakass ethnos, Patrimonial community, *Aal* community, mutual assistance, social work.